

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К23

Renée Carlino
SWEET THING

Copyright © 2014 by Renée Carlino

Credit shall be given to Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.,
as the original publisher

Перевод с английского *Ирины Наумовой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Карлино, Рене.

К23   *Милая* / Рене Карлино ; [перевод с английского
И. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-107072-4

Миа Келли — талантливая пианистка и выпускница престижного университета с бизнес-степенью. Она разрывается между двумя этими мирами, но когда ее отец неожиданно умирает, ей придется выбрать третий путь — взять на себе заботу о его кафе, где традиционно собираются музыканты и художники. Мие кажется, что ее мечты о захватывающей, яркой жизни никогда не сбудутся. Но тут она знакомится с Уиллом, харизматичным гитаристом, который становится ее другом и соседом по комнате. Может, теперь ей стоит побороться за мечту?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-107072-4

© Наумова И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

ЛОРЕН

Аэропорты — огромные фабрики по сортировке людей, и перед писателем, наблюдающим здесь за ними, открываются безграничные возможности. Каждую секунду перед глазами мелькает моментальный снимок человечества, давая бесконечный поток исходного материала. Собственно, в этот самый момент рядом со мной на линии безопасности стоят: тибетский монах, который держится абсолютно спокойно и носит свое терпение, как маску; мать, украдкой кормящая грудью младенца, и морпех в парадной синей форме, на вид суровый и переполненный гордостью. Я думаю, куда они направляются сегодня и куда движутся вообще. Я думаю, смогу ли я обнаружить нечто необычное и достойное того, чтобы написать о нем, просто наблюдая за ними на линии безопасности. Глядя на них, я думаю о том, какие образы я создам, какую картинку я нарисую. Я представляю себе, как по странице бегут, пританцовывая, цветистые слова. От желания записать оседающие в моей голове подробности у меня дергается рука.

— Вам помочь?

Я вздрагиваю, выходя из транса и осознавая, что вокруг скачут мои малолетние дети, на меня рывкает

сотрудник службы безопасности, я застряла на линии, и все мы еще не сняли обуви. *Черт.*

Этот голос принадлежит женщине лет двадцати пяти, темные волосы которой зачесаны назад и стянуты в идеальный конский хвост. Ее одежду я назвала бы однотонной университетской формой; по существу, она кажется бесцветной, как пробел. В руках она держит серый мешочек с туфлями и безупречно сложенными вещами. Темные брови над большими, круглыми, светло-кариими глазами приподняты в ожидании ответа.

— Да! Пожалуйста! Не могли бы вы взять его ботинки? — Я указываю на своего трехлетнего сына. — Вам нетрудно перенести его сюда, ко мне?

— Без проблем.

Стоя по другую сторону металлодетектора, я изучающе смотрю на девушку, пока мы надеваем на мальчиков ботинки.

— Как тебя зовут, малыш? — У нее голос, как у сказочной феи, чего нельзя сказать о лексике.

— Кэш.

— Классное имя, — говорит она и, кажется, в самом деле так думает. — Я — Миа, рада с тобой познакомиться.

— А я Хайден! — выкрикивает мой четырехлетний сын.

— Твое имя мне тоже нравится.

Я встаю и представляюсь:

— Привет, Миа, я — Лорен. Спасибо за помощь. Можно сойти с ума, проводя детей через заграждения в аэропорту.

Я изучаю ее внешность и ощущаю необычное притяжение к ней. Она худенькая, хорошо сложена, у нее сияющая кожа и спокойное лицо. Я вижу в ней

нечто, что напоминает меня десятью годами ранее. Она такая же деловитая, какой я была в ее возрасте, как раз за несколько лет до того, как реальная жизнь дает тебе хороший пинок под зад. Я подумала о том, чтобы раскроить себе череп и вложить его содержимое в ее голову, тогда она, возможно, перескочила бы через неминуемое дерьмо, с которым, как я знала, ей скоро придется столкнуться. Это было трудноосуществимо, поскольку мудрость — не то же самое, что обычная информация, это что-то совсем другое. Мы часто заблуждаемся, давая добрые советы, но мудростью нельзя поделиться с кем бы то ни было. Мудрость можно только заслужить, это побочный продукт опыта, не обязательно знание, иначе я в этот самый момент выслеживала бы Опру Уинфри, умоляя о переливании крови.

Возможно, вы, когда вам было слегка за двадцать, носили шортики, прогуливали несметное количество лекций, по пять раз меняли специализацию, заводили любовные связи на одну ночь, травились алкоголем, занимались сексом с соседом на глазах у его подружки, встречались с дальним родственником, принимали кокаин, имели плохую кредитную историю или пользовались дешевыми тенями для глаз. Как бы то ни было, к двадцати пяти годам большинство из нас начинают задумываться о другом. Главные вопросы: «Как ты хочешь провести остаток своей жизни?», «За кого ты выйдешь замуж, если вообще выйдешь?», «Какую карьеру ты выберешь?», «Хочешь ли ты иметь детей?». Казалось, будто бы все, что я знала в двадцать пять лет, трансформировалось во все, чего я не знала к двадцати шести, когда я внезапно осознала, что многие решения, которые мы принимаем в двадцать лет, преследуют нас всю жизнь.

Некоторым эти решения даются легко. Можно сказать, что такие люди похожи на мелкие лужи, по которым мы шлепаем, но я бы сказала, что такие люди — счастливики, потому что сейчас, когда я смотрю на эту девушку — себя в прошлом, — которая вроде бы с полной невозмутимостью владеет собой, я понимаю, что она стоит на краю глубокой пропасти. Глядя на нее, я могу сказать, что она еще похожа на стоячую воду, которую вы когда-либо перепрыгивали по камням. Мир, как ей известно, собирается перевернуться с ног на голову, и, если она не научится плавать, собственная глубина затянет ее. Я испытываю огромное желание прошептать «отступи», но не делаю этого. Как и любой другой в этом аэропорту, она куда-то направляется, возможно, это ее первая остановка на горьком маршруте самопознания. Как и всем остальным, ей придется пройти трудный путь, который мы не всегда контролируем. Порой, для того чтобы показать нам, кем мы являемся на самом деле, он лишает нас чьей-то любви.

Передвигаться по аэропорту с двумя маленькими детьми — нелегкая задача, и, прежде чем я сяду в самолет, я подумую о том, достаточно ли я захватила с собой еды, хватит ли музыки в DVD-плеере или сил укачать малыша весом в тринадцать с половиной килограммов, расхаживая между туалетом и помещением для стюардесс. Гоняясь за малышами, пытаюсь впрыснуть «Бенадрил» в их крохотные рты, я размышляю о том, оправданны ли были те решения, которые я принимала в двадцать лет. Выдержит ли мой брак испытание временем? Хорошая ли я мать, жена, писатель, соседка, собачница? Потом я вспоминаю о пути, который привел меня к подобным решениям, и эти воспоминания весьма утешительны для меня, потому

что память — это напоминание о том, кто я в этой суматошной жизни.

Прежде чем направиться к выходу, я оглядываюсь на Мию и размышляю о том, что она думает обо мне, такой измотанной и растрепанной, в мятой одежде, покрытой крошками от еды. Я размышляю о том, известно ли ей, что иногда мы что-то воображаем, а потом жизнь меняется, и нам приходится придумывать все заново. Я уверена, она довольно скоро этому научится, и ей самой будет что рассказать...

ТРЕК 1: Начинающие

У сотрудника безопасности аэропорта заканчивалось терпение.

— Мадам, я сказал, что вы должны снять обувь и положить ее в мешки.

Она не нарочно игнорировала его, она была занята — ну да, она не просто так смотрела в пустоту. Если бы нас оценивали за то, как быстро мы снимаем с себя одежду, чтобы положить ее в эти серые мешочки, я получила бы пятерку с плюсом. Однако женщина напротив меня терпела неудачу. Двое ее детей носились вокруг, вопя как оглашенные, пока она, кажется, грезила наяву.

Я слегка похлопала ее по плечу, но она не ответила. В конце концов я, кашлянув, спросила:

— Вам помочь?

Я решила, что могу помочь ей, поскольку не двинулась бы с места раньше, чем это сделала бы она.

Она беззвучно пробормотала: «Черт!» — а потом сказала:

— Да! Пожалуйста! Не могли бы вы взять его ботинки? Она указала на маленького светловолосого, голубоглазого ангелочка. — Вам нетрудно перенести его сюда, ко мне?

— Без проблем.

Я подошла к мальчугану, который сразу же успокоился. Широко улыбнувшись ему, я рывком сняла с него ботинки и засунула их в мешок, быстро передвигающийся на конвейерной ленте.

— Готов, малыш?

Ребенок кивнул, и я, подхватив его, понесла к металлодетектору. Тепло от его ручонков, обхвативших мою шею, разлилось по моему телу. Я улыбнулась ему, скосила глаза и сделала глупую гримасу. Его смех прозвучал, как музыка. С трудом оторвав от себя его вцепившиеся в меня ноги и руки, я опустила его на пол.

Мы провели мальчуганов через рамку металлодетектора, а затем начали собирать вещи с другой стороны. Я проводила ее до скамеек, чтобы помочь снова одеть мальчиков. — Как тебя зовут, малыш?

— Кэш, — нежным голоском ответил он, сияя улыбкой.

— Классное имя. — Правда, это мое любимое имя. — Я — Миа. Рада с тобой познакомиться.

— Я — Хайден! — выкрикнул его темноволосый братец. Они были почти одинакового роста, но у Хайдена были темные волосы и темные глаза.

— Твое имя мне тоже нравится, — с улыбкой пробормотала я.

Их мама встала и представилась.

— Привет, Миа, я — Лорен. Спасибо за помощь. Можно сойти с ума, проводя детей через заграждения в аэропорту.

Она глубоко вздохнула.

Я заметила, что мы похожи друг на друга. Она была такая же стройная. Те же темные волосы, чистая кожа и светло-карие глаза. Это было странно. Она могла бы быть моей сестрой или, возможно, мной десять лет спустя? Впрочем, она чем-то отличалась от

меня. У нее были тусклые и запавшие глаза, и она выглядела изнуренной. В этот момент я подумала, хочу ли стать матерью — разве что мне достанется идеальный муж, надежный, с крепким здоровьем и предпринимательской хваткой. Я решила, что, если у меня были бы дети, я уж точно справилась бы лучше, чем эта дама.

Для двадцатипятилетней девушки я, надо сказать, была немного помешана на самоконтроле. В общем-то я свыклась с этой гранью собственной личности. Я думала, что стану независимой женщиной, которая держит ситуацию под контролем и принимает решения, руководствуясь умом, а не сердцем. Мне казалось, сделать правильный выбор было равносильно тому, чтобы обеспечить себе успех. Разумеется, я не знала о том, что мое определение успеха изменится таким радикальным образом.

Я пробежалась глазами по монитору, выискивая рейс № 25, направляющийся из Детройта в Нью-Йорк, с посадкой в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Я проклинала себя за то, что не смогла запомнить выход, который мне назвал служащий. Все из-за моей небрежности. Ладно, 35В. Я живо прошла мимо Лорен и ее двоих малышей, которых она отлавливала в магазине дьюти-фри. Должно быть, полеты выматывают ее. На секунду я понадеялась, что мы не полетим одним и тем же рейсом, а потом тотчас же почувствовала себя виноватой за подобную мысль. Я решила, что мне следует предложить ей помощь, если она в конце концов полетит моим рейсом и будет сидеть где-то поблизости; впрочем, я лучше поспала бы.

Я люблю летать, для меня это бегство. Ты как будто в пустоте, как будто сдаешься судьбе. Мне всегда было трудно понять, что такое судьба, но при необхо-

димости я доверялась ей, например в самолете или в подземке. Во время полета я позволяю себе верить в судьбу просто оттого, что слишком утомительно беспокоиться о том, подливал ли пилот себе виски в кофе или нет. Это очень напоминает мое отношение к религии, очень напоминает мое отношение к вере в Бога.

Мне нужно было, чтобы пару часов меня никто не тревожил, и я надеялась на это. Я пообещала себе, что не стану ни о чем думать. Не стану беспокоиться о том, что мне делать с папиной квартирой, его вещами, кофе и кучей всего, чем владел мой отец в Нью-Йорке. Я просто приеду туда и продолжу жить его жизнью до тех пор, пока не решу, что делать со своей собственной.

Когда месяц назад мой отец внезапно скончался от сердечного приступа, я была опустошена. Хотя я выросла в Анн-Арборе и меня воспитывали главным образом моя мама Лиз и отчим Дэвид, которого я называла папой, я по-прежнему была очень близка со своим биологическим отцом, Аланом Келли. Я проводила лето в Нью-Йорке, помогая ему в кафе, болтаясь среди обитателей Ист-Виллидж, в ту пору еще казавшихся эксцентричными. Мой отец был единственным ребенком в семье ирландских иммигрантов. Его родители отдали ему все до копейки для того, чтобы он открыл кафе «Радуйся» в Ист-Виллидж в 1977 году. В 82-м оно было переименовано в «Кафе Келли», а потом, в 89-м, его наконец стали называть просто «У Келли». В 70-х годах оно стало любимым местом сборищ для всех трубадуров и трубадурш. Оно было и остается тем местом, где в атмосфере ощущаются свобода и творчество, которые практически сочлились из пор моего отца. Я испытала бы горькую радость, вернувшись туда.

Я вовремя подошла к своему выходу. Лорен нигде видно не было. С облегчением вздохнув, я быстро огляделась вокруг, выискивая усталого и необщительного пассажира, чтобы сесть с ним рядом. Я прошла на посадку и быстро нашла свое место. Запихнув сумку в багажное отделение наверху, я уселась и начала свой предполетный ритуал: надела ужасно пушистые носки, засунула в уши наушники, поставила на iPod Дэмиена Райса¹ и пристроила подушку возле шеи. Я была готова. Когда последние пассажиры поднимались на борт, место у окна оказалось свободным. Искривив губы в насмешливой ухмылке, я преждевременно благодарила вселенную за то, что оно осталось пустым, пока, подняв глаза, не увидела направлявшегося ко мне парня. Должна признаться, он был великолепен, но, как только я увидела футляр гитары, у меня скрутило живот.

О, нет, прошу тебя, судьба, не позволяй этому амбициозному, тщеславному, вероятно, вонючему музыканту сесть рядом со мной.

Подойдя ко мне, он выпалил: «Привет!» Помолчав, он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Не хочешь занять место у окна? Если да, оно в твоём полном распоряжении.

— Что? Уф, нет, спасибо. *Какого дьявола этот парень так ведет себя?*

— Я ужасно боюсь летать самолетом, — нерешительно пробормотал он. — Прощу тебя, мне необходимо сидеть с краю, прости, ты не против? Кстати, меня зовут Уилл.

Пересаживаясь на место у окна, я пробормотала:

---

¹ Д э м и е н Р а й с — ирландский автор и исполнитель песен. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

— Да, отлично, можешь сесть здесь. Я — Миа. — Я вяло помахала рукой, намеренно избегая рукопожатия.

Не поймите меня превратно, я люблю музыку, я живу ради нее. Я получила классическое музыкальное образование, играю на фортепиано и могу сама освоить почти любой инструмент. Когда я жила в Анн-Арборе, казалось, что каждый ребенок играл на пианино или на чертовой виолончели, но я искренне люблю музыку, за что спасибо отцу. Когда я проводила лето в Нью-Йорке, он знакомил меня с миром музыки — рок-н-роллом, блюзом, джазом, с чем угодно, а потом я возвращалась домой и на протяжении всей зимы разучивала Опус 23 Рахманинова. Игра на фортепиано по законам, которым меня учили, в сочетании с раскрепощенной методикой, поощряемой моим отцом в летние месяцы, всегда приводила к тому, что в моем стиле смешивались порядок и бунт. Я старалась смириться с такой путаницей, но порой она заканчивалась конфликтом.

Я думаю, мою мать привлекла любовь моего отца к музыке, его свободный дух и манеры битника, хотя она никогда не призналась бы в этом. То, что случилось между ними, она называла сумасбродством наивной девятнадцатилетней девушки. Это случилось летом 1982 года, она отдыхала вместе с родителями на полуострове Кейп-Код, когда с парой подруг решила на один день съездить в Нью-Йорк. Один день обернулся пятью, и мама вернулась на Кейп-Код беременной. Отец с самого начала признал этот факт, но бабушка с дедушкой не позволили своей юной незамужней и беременной дочери переехать в Нью-Йорк. Когда я подросла, то стала задумываться о том, почему отец не последовал за мамой в Анн-Арбор.